
ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

УДК 008.2; 101.1

Л.В. Скворцов

ИСТИНА ГЕТЕРОТОПИИ: МЕЖДУ ФАНТОМОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ. ЧАСТЬ 2¹

*Институт научной информации по общественным наукам РАН
Москва, Россия, skvortsovcgsir@mail.ru*

Дается оценка разработанной М. Фуко концепции гетеротопии. Доказывается, что М. Фуко понимал гетеротопию не только как материализованное по отношению к месту «нормальной» жизни иное место (тюрьма, психиатрическая клиника, библиотека, кладбище, территория колоний, корабль и т.д.), но и как иное место нахождения истины социальной жизни. Методология определения этой истины сформулирована как археология знания, как путь истины массового сознания, отличной от религиозного, идеологического и научного ее понимания. Это реальность и приоритет дискурсивной объективности, включающей в себя элемент идеологического и научного знания. Показывается, что концепция М. Фуко стала предвосхищением механизмов управления массовым сознанием в глобальной политике XXI в.

Ключевые слова: Фуко; гетеротопия; истина; массовое сознание; «другое место»; глобальная политика.

Поступила: 10.03.2017

Принята к печати: 27.04.2017

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 17-33-00025 «Гетеротопия: Цивилизационный контекст».

L.V. Skvortsov

Truth of heterotopia: Between phantom and reality. Part 2

Institute of scientific information for social sciences

of Russian academy of sciences

Moscow, Russia, skvortsovcgsir@mail.ru

The paper evaluates Michel Foucault's understanding of heterotopia. It proves that heterotopia is not only the reality of «other place» (prison, psychiatric clinic, library, cemetery, colony, ship etc.), but also the other place for seeking the truth of social life. Methodology of acquiring this truth is described as archeology of knowledge (L'archeologie du savoir), as the way towards the truth pursued by the mass conscience. This truth does not coincide with religions, ideological, or scientific understanding. It is reality and priority of discourse objectivity, which includes elements of ideological and scientific knowledge. It is demonstrated that M. Foucault's conception predicts the emergence of certain forms and methods of discourse objectivity as a ruling force of mass consciousness in the global politics of the XXIst century.

Keywords: Foucault; heterotopia; truth; mass consciousness; «other place»; global politics.

Received: 10.03.2017

Accepted: 27.04.2017

Продолжение¹

**3. Непрерывность и прерывность
как концепты методологии гуманитарного знания**

Феномен гетеротопии, как его толкует М. Фуко, утверждается как явление, имеющее фундаментальное значение для легитимации принципиально нового методологического подхода к интерпретации исторического цивилизационного процесса. Имплицитно исторический цивилизационный процесс воспринимается как общечеловеческое восхождение к универсалиям доблести, определенным философской мыслью, к мудрости, здравомыслию, мужеству, справедливости, благочестию.

Гетеротопия свидетельствует об отсутствии такого восхождения. Гетеротопия – это основа множественности страт, требующих для своего истолкования членения и хронологической спецификации. Таким образом, вместо непрерывной единой работы разума возникают *краткие очередности, восстающие против*

---

¹ Первая часть (часть 1) опубликована в предыдущем номере журнала (№ 1–2 (28–29) за 2017 г.).

единого закона. Принятие этой методологии делает легитимным понятие *прерывности*, которое должно теперь занять важнейшее место в исторических и гуманитарных дисциплинах. М. Фуко считал, что прерывность должна из препятствия для исследования превратиться в *практику* и восприниматься как *необходимый концепт*. Так должна родиться *тотальная история*, которая видит мир в *виде рассеяний*.

Гетеротопия размещает массу людей в фиксируемые формы *рассеяния*. Человек концептуально превращается в носителя качеств этих форм. Вместе с тем в системе отношений обнаруживаются формы, которые М. Фуко фиксировал применительно к безумию классической эпохи; для них характерно пересечение проявлений умственного заболевания и особенностей характера. С этим связана классификация отношений к Другому и Изгою, которая в современную эпоху переносится и на систему международных отношений.

Исторический опыт действительно подтверждает истину античной философии: *как трудно стать хорошим человеком*, подняться до вершин нравственной универсальности. Это относится и к системе международных отношений: как трудно признать в системе человеческих отношений обязательность категорического императива. Однако отрицание его истины и есть проявление безумия в современную эпоху.

Из гетеротопии кладбища или корабля нельзя вывести факт возникновения цивилизации как целого. Методология рассеяния здесь не действует. Рождение цивилизации объясняет феномен *прабытия*, мимо которого проходит рассеяние. Но именно *прабытие* и является истоком универсальности цивилизационного движения, системы устойчивых отношений. Этим объясняются неудачи многочисленных попыток извлечь гуманитарное знание от «всякой антропологической зависимости», изгнать сами понятия «ментальности» или «духа» как «нечистую силу».

При всех различиях, при всей исключительности индивидуальных форм цивилизационного поведения нельзя не видеть *повторяемости типов* этого поведения. И в этой повторяемости наблюдается влияние внутренней ценностной иерархии, определяющей мотивацию как индивидуальных, так и социальных форм человеческого поведения. Неспособность восприятия нравственных универсалий – это проявление неспособности восприятия универсалий человеческих реалий – реалий жизни и смерти. Иными словами,

процесс повторяемости является процессом формирования человеческого объекта знания, который объединяет исторически возникающие различия феноменов жизни.

Если константность этих свойств не подлежит «разрыву», то она формирует и определяет мотивы и качества поведения человека. Человек мотивирует свое поведение самыми различными способами, чтобы создать ту сеть, в которой лично он сохраняет себя или возвышает свой статус. Объяснение его поведения требует обращения к знаниям лингвистики, этнологии, экономики, литературы и даже теории мифа.

Вместе с тем, когда все человечество оказывается перед реальной угрозой *самодеструкции*, массы людей независимо от их специфических особенностей будут проявлять *идентичные тенденции поведения*. Это значит, что существуют некие привилегированные типы исторической объективности, которые диктуют идентичные формы поведения людей.

М. Фуко, исходя из своей концепции рассеяния в качестве истины, утверждает противоположное заключение. Так, применительно к психиатрическому дискурсу XIX в. он делает вывод, что этот дискурс характеризуется не существованием какого-либо привилегированного объекта, а тем, как этот дискурс *формирует свои объекты*, которые при этом остаются рассеянными... Любой объект исследуемого дискурса обретает там свое место и законы своего появления [Фуко, 1996, с. 44].

Если, например, психиатрия XIX в. может что-то сказать о связях между семьей и преступностью, то она не воспроизводит взаимодействия действительной зависимости, а представляет все анализируемое пространство возможных описаний. Такой подход можно было считать продуктивным по отношению к *гипотетической виртуальной реальности*. Но вместе с тем происходит размывание границ между объективной истиной и многообразием фантазий медицинского текста. Очевидно, что тем самым легализуется создание рассеянных «гетеротопий» медицинских текстов, как и гуманитарных текстов вообще. «Нами, – утверждал М. Фуко, – введено единство совершенно иного типа, способное свидетельствовать о совокупности объектов, для которых понятие психопатологии – не более чем просто мыслительная рубрика» [там же, с. 47].

Если иметь в виду возможность различных интерпретаций исторических документов в силу их смысловой неоднозначности,

то тогда и исторические факты можно рассматривать с позиций различных мыслительных рубрик. Такой подход открывает, по сути дела, неограниченные возможности для «перелицовки» истории и исторических фактов и для всей системы глобальной информационной войны. Например, если мыслительная рубрика будет ограничиваться победоносными действиями западных союзников в годы Второй мировой войны, то тогда форсирование Ла Манша и открытие второго фронта в 1944 г., в канун разгрома армий вермахта советскими вооруженными силами, можно представить как то «решающее сражение», которое стало решающей точкой в разгроме германского нацизма.

М. Фуко считает, что необходимо заменить сокровенные сокровища вещей дискурсом, регулярной формацией объектов. Так создается современная история дискурсивных объектов, которые не погружаются в глубины общей первоначальной почвы, а приводят отдельные рассеянные регулярности в определенную связь, соответствующую не менее определенным интересам и целям.

М. Фуко считает, что установление такого рода объектов дискурса не требует исследования их смысла, поскольку сама эпоха характеризовала этот смысл как «тихое помешательство». Подобного рода анализ М. Фуко считал излишним. Дискурс – это тонкая контактирующая поверхность, сближающая язык и реальность, смешивающая лексику и опыт [Фуко, 1996, с. 47–48]. Дискурс создает свои объекты, не погружаясь в глубины общей первоначальной почвы. Он создает новую реальность, которая, при наличии общего согласия, может претендовать на статус признанной истины, в отношении которой истина, опирающаяся на реальность общей первоначальной почвы, может подвергаться скептическому отрицанию, как индивидуальная, а значит, субъективная точка зрения.

4. Условия существования «истины» иного мира в системе коммуникаций

Рождение диктатуры коллективного мнения, подавляющего своим «авторитетом» объективную истину, – явление, характерное для современной эпохи. Содержание и утверждение конечных заключений этой практики определяется ответом на вопрос: «Кто

говорит?» В зависимости от того, кто говорит, дискурс обретает *презумпцию истинности*. Статус индивидов, обретающих право отдавать предпочтение именно данному дискурсу, также определяет институционализированную область, в которой на законном основании формируются специфические объекты и инструменты верификации, поле документации, совокупности отчетов и опубликованных результатов.

Так, говорит М. Фуко, разжимаются жесткие сочленения слов и вещей и освобождаются совокупности правил, обуславливающих дискурсивную практику [Фуко, 1996, с. 48]. К этому следует добавить позиции, которые субъект может занимать в информационной сетке, в теоретических штудиях и устной системе коммуникаций. Хотя М. Фуко формирует эти выводы на основе медицинской практики, очевидно, что в современную эпоху они обретают универсальный смысл воздействия на формирование в нужном направлении глобального общественного мнения.

Для получения необходимого результата не нужно следовать логике дедуктивных схем, т.е. логике последовательности рассуждения, а нужно правильно определять возможные распределения рядов высказываний, наглядных рассуждений, порядка описаний, способов перераспределения временных событий, определяющих взаимозависимость гипотезы и верификации. Так формируется «*поле присутствия*», то, что могло попасть в поле наблюдения, и то, что тысячекратно передавалось из уст в уста, что можно определять как суждения по аналогии, как общие принципы и модели, как область памяти.

На этом основании определяются *возможности вторжения*, которые, не затрагивая истины, могли бы переводить количественные высказывания в качественные, т.е. определяющие формы иерархии и подчинения, способы высказываний и видов критики, комментирования и интерпретации различных высказываний и точек зрения.

Вместе с тем это позволяет установить, каким образом различные высказывания могут возникать и распадаться, заново собираться, расширяться или ограничиваться, приобретать новый смысл. Такой дискурс может существовать на *доконцептуальном уровне*, который М. Фуко связывает с действием *теоретических схем*, таких как атрибуции, артикуляции, обозначения и деривации. Эти схемы позволяют определять свою область *правомерно-*

сти: в соответствии с какими критериями, требованиями формата мы можем диспутировать об истине или ложности, исключать некоторые высказывания как не свойственные данному дискурсу. Дискурсивный уровень выводов не отсылает ни к горизонту идеальной логики, ни к эмпирическому генезису абстракций. Дискурс здесь не является выражением внешнего, т.е. адекватным отображением реальности. *Он является местом рождения концептов.* Поле дискурса позволяет выявиться возможности гетерогенной множественности концептов, что приводит к расширению тех тем, верований и репрезентаций, к которым мы сами добровольно обращаемся, когда формируем историю идей [Фуко, 1996, с. 63].

Формирование концептов, не связанных с почвой исторической реальности, создает идеальное основание игнорирования традиционных формационных и экономико-технологических классификаций этапов исторического движения цивилизаций. Теории первобытно-общинного строя, феодального, капиталистического общества, как и аграрного, индустриального, постиндустриального, информационного общества, как представляется, страдают одним общим недостатком: они определяют конечную цель истории. Идею конечной цели несет в себе и неолиберальная доктрина, пытающаяся догматизировать идею рыночной экономики как конечной стадии истории. Деструктивные конвульсии государств, в которых практически реализуются «конечные цели», расчищают ментальную почву для восприятия теоретических схем на доконцептуальном уровне, имеющих характер и свойства гетеротопий.

Отход от почвы можно успешно реализовать, если в теориях научных дисциплин, таких как лингвистика, экономика, психиатрия, естественная история, обнаруживаются альтернативы, даже не принадлежащие одному временному отрезку, представляющие себя в формуле «либо... либо». Концептуальное рассеивание заставляет формировать дискурсивные подгруппы. Применительно к истории научных дисциплин выявление взаимоисключающих концептуальных заключений вполне естественно, так как зрелые научные заключения будут соотноситься с выводами первоначальных этапов становления науки. Но если формула «или... или» полагается равноценной применительно к *любой* стадии развития науки, то тогда будет происходить легитимация донаучных фантазий.

И М. Фуко, конечно, ошибался, когда утверждал, что описанные таким образом стратегии не укореняются применительно к

науке за пределами дискурса в глубине предпочтений и не являются ни выражениями мировоззрения, ни проявлениями лицемерного «интереса», скрывающегося под благообразным покровом теории.

Субъективность предпочтений и проявление лицемерного интереса особенно наглядно проявились в легализации дискурсивных объектов в глобальных информационных противостояниях XXI в. Например, очевидный факт нападения Грузии на Южную Осетию и российских миротворцев в процессе дискурса в средствах массовой информации стран Запада превратился в противоположную информационную объективность как совсем другая «истина». Аналогичная методология применялась и применяется в освещении поведения военных подразделений киевской хунты, ее агрессии против Донецкой и Луганской республик. Концептуальный отход от почвы, т.е. от фактического положения дел наблюдается и при попытках объяснения катастрофы малайзийского Боинга, сбитого над территорией Украины. Аналогичная технология информационного воздействия применялась и при дискредитации Олимпийской сборной России в ходе подготовки к Олимпийским играм в Бразилии в 2016 г.

Методология формирования дискурсивных объектов оказалась пригодной для создания системы глобального управления общественным мнением современного мира. Глобальное управление общественным мнением приобрело приоритетный смысл, поскольку оформилась потребность в том, чтобы направить процессы интернационализации цивилизационной жизни в узкое русло утверждения в мире цивилизационных *стандартов*, отвечающих интересам «исключительной» державы и многонациональных корпораций. Утверждение этих стандартов требовало информационной дискредитации их возможных идейных противников и культивирования авторитета нужных дискурсивных объектов.

Это форма информационной диктатуры, опирающейся на владение средствами массовой информации, теоретические разработки и безусловный авторитет согласованной коллективной позиции. Эти стратегии как раз и служили целям сокрытия лицемерного интереса путем профессионально разработанного механизма формирования нужных дискурсивных объектов. Нужные дискурсивные объекты становились основанием для различения «правильного» и «неправильного», независимо от сущности объективной истины.

Как показал исторический опыт, легализация принципа гетеротопии применительно к науке нежелательна, поскольку влечет за собой подрыв ее авторитета изнутри. Пророки «правильности» принесли миру вирус духовного заболевания, приведшего в XX в. к цивилизационной катастрофе. Этот вирус, однако, не исчез. Он породил формирование новых дискурсивных объектов, сущность которых сводится к оправданию новых вариантов глобального гегемонизма [Скворцов, 2016, с. 364–372].

Как оказалось, задуманную глобальную геополитическую игру цивилизационный гегемон не может выиграть, не используя информационную методологию формирования нужных для реализации его планов дискурсивных объектов. Но он может ее проиграть, если ему будет противопоставлена информационная контригра, основанная на *почве*, т.е. объективных фактах цивилизационной жизни и глобальной политики.

5. Проект для XXI в.?

Выигрыш или проигрыш в современной глобальной информационной войне определяются реальным смыслом политики, нацеленной на формирование современного цивилизационного порядка. Народы современного мира объективно оказались перед *альтернативами политики*. Эти альтернативы возникают как реакция на политику глобального гегемонизма.

Глобальный гегемонизм – это осознанная необходимость, нацеленность на то, чтобы естественные процессы интернационализации современной цивилизационной жизни, в которой свободно участвуют все народы, направить в русло их подчинения так называемому «новому порядку». Глобальный субъект формирует мир дискурсивных объектов для утверждения собственного величия как истины власти, которая может быть и должна быть признана всеми.

Дискурсивные объекты – это новая «логика» и эмпирическое свидетельство этой «истины». Они представляют собой определенную реальность, которая наличествует как знание, истинность которого утверждается коллективным мнением большинства. Если большинство громогласно утверждает, что король облачается в великолепные одежды, скроенные и сшитые по самой изысканной

моде, то истину оказывается способен провозгласить вслух только мальчик, сказавший, что король на самом деле голый. Но кто поверит мальчику?

Концепция археологии знания – это идейная предпосылка теоретической легитимации *информационной* дискурсивной объективности как мира гетеротопии, иной действительности.

Было бы крайне легкомысленным упрощать эпистемологическое толкование феномена гетеротопии как фантомной реальности. М. Фуко решительно отличал гетеротопии от утопии. Утопические представления об *ином*, идеальном, райском, гармонично организованном социальном мире воспринимались как мечтания, как запредельные цели, сверхъестественные миры, сновидения. Эти представления не претендовали на статус реального знания, имеющего отношение к научным представлениям.

М. Фуко анализировал историю представлений психиатрии, естественной истории, экономических учений: это была та эмпирическая почва, на которой формировалось учение об археологии знания. Дискурсивный объект представлялся как *действительная реальность* в самых различных, но не совсем обычных для нормальной жизни формах.

Сущность гетеротопии раскрывает дискурсивная объективность, коллективно признаваемая как действительность, воспринимаемая массовым сознанием и поведением в качестве истины. И как *таковая* она становится очевидной реальностью именно в формах поведения, а значит, и в *определенных результатах, продуктах этого поведения*. А это значит, что дискурсивные объективности в своих идеальных формах начинают соответствовать создаваемой реальности жизни. Так раскрывается смысл гетеротопии, находящейся между первоначальным фантомом и последующей за ним реальностью.

Становится понятным, почему М. Фуко сближал свою концепцию археологии знания с историей идей и в то же время видел их принципиальные отличия. Он давал себе ответ на вопрос: как и почему дискурсивные объекты в конце концов оказываются тем же явлением, что и фигуры, определяемые психиатрией, политической экономией или естественной историей, из которых он эмпирически исходил?

Нужно было знать, работает ли это устройство и что именно оно способно производить. Это – история вечных сюжетов, кото-

рые образуют спонтанную стихийную философию для тех, кто никогда не философствует. Это скорее анализ точки зрения, нежели анализ собственно знания, менталитета. Она следует генезису, который дает рождение искусственным системам и произведениям и может продемонстрировать, как научное знание при этом рассеивается, уступая место популярным концептам, устанавливая их отношения с обычаями и нормами социального поведения, потребностями и безмолвными практиками [Фуко, 1996, с. 136].

Археология знания, как ее трактовал М. Фуко, стремится определить не мысли и образы, которые скрыты в дискурсах, но сами дискурсы в качестве практик, подчиняющихся определенным правилам. Она определяет типы и правила дискурсивных практик. При этом археология пренебрегает темпоральными последовательностями: она исследует общие правила, одинаково верные и применимые во всех точках времени [там же, с. 164].

Дискурс – это путь, ведущий от одного противоречия к другому. Он предназначен для описания различных пространств разногласия, бесконечной игры противоречий, достигающих кульминации в коренном конфликте. М. Фуко находит эти черты дискурса в истории науки. Рассматривая конфликт между креационизмом и эволюционизмом в естественной истории XVIII в., между утверждением об органическом происхождении полезных ископаемых и представлением об их неорганической природе, М. Фуко выявляет исходные и финальные точки фундаментальных противоречий, которые составляют *terminus a quo* и *terminus ad quem*. В этом он видит характерные позиции субъектов с их концептами и выборами стратегий. Здесь существенны именно внутренне присущие оппозиции.

Концепты и стратегии рассматриваются в контексте «группового поля», т.е. событий, действий, политических решений, экономических процессов, демографических колебаний, социальных требований.

Горизонт археологии – это не сама по себе наука, а *скрещивание* так называемых «интерпозитивностей», установление археологических корреляций, выявление того, как дискурсивные формации связаны с *недискурсивными системами*. Так, причинный анализ в этом контексте заключается в том, чтобы выяснить, в какой степени политические изменения, экономические процессы могли определять сознание научных деятелей: их кругозор, на-

правленность интересов, систему ценностей, взгляд на вещи [Фуко, 1996, с. 161]. «Совершенно справедливо, – говорит М. Фуко, – я никогда не представлял археологию ни как науку, ни как основание для науки будущего» [там же, с. 201].

Связь формаций дискурса с недискурсивными системами открывает новые поля определения норм жизни в силу выхода на историческую арену огромных народных масс. В эпоху Французской революции и правления Наполеона это породило новые проблемы административного руководства. Такие явления оказывают влияние на характер дискурса, который утрачивает свойство чистой абстракции. Так возникают определенные типы дискурсов, имеющих собственный характер историзма.

Можно определенно утверждать, что концепция археологии знания не только стала отражением своеобразия формирования массового сознания и управления его процессами в XX в., но и предвосхитила бездуховные формы глобального управления массовым сознанием в XXI в. Она объективно стала своеобразным *замещением* религиозных и идеологических форм определения исходных принципов миропонимания, массового поведения и получения конечных результатов практики жизни. Если религиозное массовое сознание получило понимание истины пути от Бога, то идеологически ориентированное массовое сознание опиралось на знание конечных целей истории.

Археология знания формирует массовое сознание путем дискурсивного *построения* правильности сознания по определенным правилам и в соответствии с ситуацией. Ситуационная истина строится в соответствии с определенным форматом; она санкционируется определенными авторитетными группами лиц, так что за каждым утверждением дискурсивной истины стоит недискурсивный авторитетный контроль, в рамках которого сосредоточен основной массив средств информации. Это – механизм «мягкой власти», обладающий возможностями создания *видимости истины*, а значит, и формирования нужного общественного мнения.

Механизмы информационного формирования видимости истины дискурсивных объектов особенно наглядно проявились в ходе президентской кампании 2016 г. в Соединенных Штатах Америки. В ходе этой кампании со всей очевидностью обнаружилась реальность присутствия универсального Логоса. Замыслы, темы, смыслы завоевания глобального величия оказались в своей реали-

зации зависимы от достижения глобальной безопасности. Это открытие раскололо американское общество.

Археология знания не имела реальных ответов на современные глобальные проблемы. Отстраняясь от закона становления разума в историческом движении, отказываясь от линейной модели и от модели потока сознания, археология знания предлагает иную модель историчности: это практика, обладающая собственными формами сцепления и последовательности смыслов. Она охотно говорит о разрывах и внезапных перераспределениях. И это можно понять, если действительная история – это лишь материал, который может использоваться и реконструироваться в связи с потребностями формирования дискурсивных объектов. Это объясняет и наличие разрывов и новых форм последовательностей во временном движении дискурсивных объектов и различных их трансформаций.

Так что такое дискурсивные формации, относятся ли они к сфере науки? Ответ на этот вопрос проясняется путем ссылки на клиническую медицину, которая не отвечает формальным требованиям науки, не достигает уровня строгости таких наук, как физика и химия, но не исключает некоторой научности.

М. Фуко считает, что совокупность элементов, сформированных дискурсивной практикой и необходимых для образования науки, хотя их предназначение и не сводится к ее созданию, можно назвать *знанием*. Знание – это поле координации и субординации высказываний, это дискурсивная практика, которая формирует знание. Археология следует схеме: дискурсивная практика – знание – наука. Опыт формирования массового сознания на основе дискурсивной практики позволяет выявить эффективность тех или иных дискурсивных объектов, а это и есть то знание, которое может претендовать на специфическую научную достоверность. И здесь знание может проявлять себя не только в доказательствах, но и в институциональных распоряжениях, политических решениях [Фуко, 1996, с. 181].

Иными словами, дискурсивная практика оправдывает себя в эффекте влияния на сознание и массовое поведение. Механизмы и правила, обеспечивающие постоянство успеха воздействия, можно считать содержащими элементы научного знания, хотя в целом дискурсивная практика не совпадает с научным развитием. Наука находит свое место в дискурсивной закономерности, но от дискур-

сивной практики зависят ее роль и функционирование. Иными словами, объективность научного знания не может иметь приоритета в дискурсивной практике, создающей соответствующие ее фундаментальным целям дискурсивные объекты. В этой практике идеологические цели могут восприниматься как «научные» или как замещающие объективность научного знания. Тем самым дискурсивная конструкция обретает ореол научного знания, хотя таковым она не является. Вместе с тем идеологические цели сохраняют свой субъективный смысл, но, сливаясь с дискурсивными объектами, они воспринимаются как объективированная реальность, обретающая научную значимость. Таким образом, наука как дискурсивная практика среди других практик утрачивает свой безусловный приоритет, а ее идеологическое функционирование отражает ее включенность в структуру социальных и государственных интересов.

Доктрины гетеротопии и археологии знания, обосновавшие необходимость признания реальности многообразия «других мест» и отказа от линейной модели и модели потока сознания, «преодолевшие» общие законы цивилизационного развития и утвердившие «квазинаучность» дискурсивной объективности, в действительности оказались составной частью того идейного «взрывчатого вещества», которое вновь осуществило «разрушение разума».

Глобальная реальность, рожденная образами гетеротопии, возвращается к исключительному субъекту, проходя через «зеркало», т.е. через призму практических следствий формирования «нового порядка», т.е. через призму объективной истины, основанной на реалиях «почвы». Она возвращается в форме действительного знания к субъекту, раскрывая его истинную сущность, с которой он никогда и ни при каких обстоятельствах не может согласиться.

Конечно, было бы некорректно обвинять М. Фуко в возникновении катастрофических тенденций глобального развития в XXI в. Он осуществил феноменальную по своим масштабам теоретическую работу. Его идеи достойны самого серьезного исследования. Но вместе с тем очевидно, что они дали толчок к фундаментальным практическим разработкам по созданию глобальных механизмов формирования массового сознания, которое при своей практической реализации приближает современный мир к глобальной катастрофе. Политическая бомба, которую заложили гегемонистские силы под существующую цивилизационную систе-

му, может «сработать» в том случае, если массы будут «ведомы» информационными разработками, которые заготовлены и готовятся за кулисами современной общественной жизни. Эти разработки не сработают, если гуманитарное знание раскроет их реальный смысл и те цели, которые являются продуктом безумных амбиций, влекущих цивилизацию в термоядерную пропасть.

Мишеля Фуко можно считать автором концепции идеологии нового типа. Анализируя слова и вещи, их взаимосвязь, создающую посредством «всеобщей грамматики» словесный порядок, рождающий собственный объект, который является не мышлением, а дискурсией, понимаемой как последовательность словесных знаков, создающую иную объективность, воспринимаемую как овеществленная идеология.

Эта концепция была воспринята информационной системой США. В сознание исключительной овеществленной идеологии оказались включенными не только ведущие средства массовой информации США, но и такой бастион массовой культуры, как Голливуд. Когда президент США Дональд Трамп заявил о лживости ведущих газет и телевизионных каналов США, это заявление стало началом крушения грандиозного идеологического сооружения. Удастся ли его «отремонтировать» или оно рухнет, покажет ближайшее будущее.

Список литературы

1. *Скворцов Л.В.* Цивилизационные размышления. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 384 с.
2. *Фуко М.* Археология знания / Пер. с фр.; общ. ред. Бр. Левченко. – Киев: Ника-центр, 1996. – 208 с. – (Сер. опера апарта; Вып. 1).

References

1. *Skvortsov L.V.* Civilizacionnyye razmyshleniya. – M.; SPb.: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2016. – 384 s.
2. *Foucault M.* Arheologija znaniya / Per. s fr.; obshh. red. Br. Levchenko. – Kiev: Nika-centr, 1996. – 208 s. – (Ser. opera aparta; Vyp. 1).